

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

Рўзиматов Сардор

**ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА *SAVOIR VIVRE* ВО
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Специальность: **5А 220102**

Лингвистика (французский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

На соискание ученой степени магистра филологии

Работа рассмотрена на заседании
кафедры теории и практики
языка и литературы допускается
к защите зав. кафедрой:
д.ф.н., проф. Маматов А.Э.

«_____» _____ 2011 г.

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор
Якубов Ж.А.

Оппонент:
д.ф.н., проф. Маматов А.Э.

Ташкент- 2011

ВВЕДЕНИЕ

Данная магистерская работа выполнена в русле лингвокультурологического моделирования концептов. Объектом изучения является концепт *savoir vivre* (умение жить с удовольствием) во французской лингвокультуре. В качестве предмета исследования рассматривается вербальное воплощение этого концепта во французском и русском языковом сознании и коммуникативном поведении.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими моментами:

Лингвокультурное моделирование языка является в настоящее время одним из ведущих направлений лингвистики, изучение лингвокультурных концептов позволяет раскрыть общие закономерности и специфику человеческого освоения мира посредством языка. Вместе с тем, несмотря на множество работ, посвященных исследованию концептов, характеристики и типы этих ментальных образований являются предметом научной дискуссии.

Отношение к жизни представляет собой базовый ориентир человеческого поведения. Разновидностью этого отношения является специфический концепт французской лингвокультуры *savoir vivre* (умение жить с удовольствием), который требует развернутого объяснения при его интерпретации в русской культуре. Этот концепт еще не был предметом специального изучения, хотя без него нельзя понять французскую культуру в целом.

Целью данной работы является характеристика концепта *savoir vivre* во французской лингвокультуре и выявление его соответствий в русском языковом сознании. Из поставленной **цели вытекают следующие задачи:**

- определить конститутивные признаки концепта *savoir vivre* в обыденном сознании;

- установить характеристики отношения к жизни в этико-философском сознании;

- выявить способы вербального обозначения и выражения коллективного содержательного минимума концепта *savoir vivre* и его соответствия в русской лингвокультуре;

- определить индивидуально-авторское расширение смысла данного концепта в афористике и художественной литературе во французской и русской лингвокультурах.

Материалом данного исследования послужили результаты сплошной выборки из толковых словарей французского и русского языков, сборников афоризмов и произведений французской художественной литературы. В качестве единицы исследования рассматривался текст, содержащий вербальное обозначение или выражение исследуемого концепта. Общее количество проанализированных вербальных репрезентаций концепта *savoir vivre* и их соответствий в русском языке – около 4000.

В работе использовались следующие методы исследования: понятийный анализ, компонентный и интерпретативный анализ, а также прием развернутой экспликации информантами образно-понятийного содержания концепта.

Научная новизна работы заключается в определении признакового состава концепта *savoir vivre*, установлении его связей со смежными концептами, доказательстве антиномичности ценностного отношения к жизни в обыденном и этико-философском сознании, выявлении способов вербальной репрезентации содержательного минимума рассматриваемого концепта и его ассоциативного расширения во французском языковом сознании и описании русских соответствий этого концепта.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит определенный вклад в лингвокультурологию, уточняя один из лакунарных концептов французской лингвокультуры и характеризуя антиномический концепт как тип ментальных образований.

Практическая ценность выполненной работы состоит в возможности использования результатов исследования в лекционных курсах лексикологии французского и русского языков, межкультурной коммуникации и теории перевода, в спецкурсе по лингвокультурологии, в практическом курсе французского языка как основного иностранного, а также в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт *savoir vivre* – «умение жить с удовольствием» – представляет собой сложное ментальное образование, образный компонент которого – это улыбка удовольствия, связанного с удовлетворением обычных земных потребностей в общении, любви, движении, еде, узнавании нового, понимании красоты, моды и т.д. Понятийный компонент – это разновидность отношения к жизни, противопоставляемого 1) отношению к смерти, 2) пессимизму и необходимости выживать, 3) необходимости имитировать веселье, 4) радости от выполнения долга и от осознания перспективы; он включает в качестве важнейших признаки 1) «телесная радость», 2) вкус, 3) жизненная мудрость, 4) вежливость, 5) галантность. Ценностный компонент – это мажорное отношение к жизни как доминанта французской лингвокультуры и регулятив французского коммуникативного поведения.
2. Отношение к жизни в этико-философском сознании представляет собой развитие этого отношения в обыденном сознании и уточняется в следующих направлениях: 1) жизнь как реализация высших целей, противопоставляемая абсурду (небытию), 2) жизнь как удовольствие, противопоставляемая мучению и скуке, 3) жизнь как переход к бессмертию, противопоставляемая грехопадению (духовной смерти). Французская философия экзистенциализма сосредоточена на осмыслении жизни в контрасте с абсурдом и мучением, русская философия – на понимании жизни по законам справедливости и осмысленности. Этико-философское развитие концепта «отношение к жизни» во французской и русской лингвокультурах обусловлено ценностными доминантами этих культур, заданными в языке.

3. Концепт *savoir vivre*, являясь специфическим для французской лингвокультуры и лакунарным для русской, вербально обозначается словосочетаниями *savoir vivre* и *bon vivant*, которые характеризуют способность человека получать удовольствие от жизни и тип соответствующей личности (бонвиван). Этот концепт во французском языковом сознании является оценочно амбивалентным: положительно оценивается оптимизм и легкость в общении, отрицательно – поверхностность и несерьезность; в русской лингвокультуре отрицательное отношение к этому концепту превалирует. В составе этого концепта выделяется статусно-значимый компонент – этикетное умение вести себя в соответствии с требованиями света (*comme il faut*), именно этот смысл получает развитие во французской афористике. Для французов вежливость – это искусство, для русских – выражение искреннего уважения.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, посвященных соответственно концепту как предмету лингвокультурологического исследования и способам языкового выражения этого концепта и его соответствиям в русском языковом сознании, заключения, библиографии.

Глава 1. Концепт *savoir vivre* как предмет лингвокультурологического исследования

1.1 Лингвокультурный концепт *savoir vivre* в обыденном сознании

Существующие подходы к изучению концептов можно свести к двум основным типам: когнитивное и лингвокультурное моделирование концептов. Представителей когнитивного направления в концептологии интересует сущность концепта как ментального образования, его динамика, способы его вербального и невербального воплощения в действительности (Е.С. Кубрякова, 1991; З.Д. Попова, И.А. Стернин, 1999; Н.Н. Болдырев, 2001; А.А. Залевская, 1999; и др.). Представителей лингвокультурного изучения концептов интересует национально-культурное своеобразие этих ментальных образований, эти ученые рассматривают концепты как ключи к пониманию культуры соответствующего социума (Ю.С. Степанов, 1997; А. Вежбицкая, 1999; С.Г. Воркачев, и др.). С позиций общей лингвистической концептологии лингвокультурное направление является частью концептологии.

Одним из спорных вопросов лингвокультурной концептологии является вопрос о типах культурных концептов. В простом виде этот вопрос можно сформулировать следующим образом: какими характеристиками должен обладать концепт, чтобы мы могли его считать важным в лингвокультурном отношении? Соответственно, в таком случае можно построить некую условную шкалу, полюсами которой будут концепты, служащие опознавательными знаками определенной культуры, с одной стороны, и концепты, нейтральные в плане их культурной маркированности. Примерами первых являются «душа», «тоска», «судьба» как маркеры русской культуры, по А.Вежбицкой, примерами вторых могут быть такие концепты, как «радость», «успех», «здоровье». Сами по себе концепты второго типа не несут культурно значимой информации, они становятся

релевантными в лингвокультурном плане, будучи соотнесенными с другими концептами, и в этом смысле можно говорить, например, об этнокультурной специфике проявления тех или иных эмоций, отношения к успеху, значимости соблюдения ритуалов и т.д. Принципиально важно подчеркнуть полевою структуру концептосферы в целом, взаимопереходность концептов, отсутствие жестких границ между ними.

Теоретически важным является и вопрос о специфике концептов обыденного и необыденного сознания. Эта проблема соотносима с проблемой ближайшего и дальнейшего значения слова, по А.А.Потебне. Иначе говоря, обыденные концепты – это такие ментальные образования, которые относительно стабильны в языковом сознании носителей соответствующей лингвокультуры.

Лингвокультурный концепт *savoir vivre* или «умение (искусство) жить с удовольствием» в обыденном сознании можно рассматривать под разным углом зрения: с позиции носителя французской лингвокультуры, с точки зрения представителя русской лингвокультуры, не знающего французского языка, и с позиции носителя русской лингвокультуры, владеющего французском языком (то есть через призму другой культуры).

В качестве основных понятий, к помощи которых прибегли информанты для экспликации лингвокультурного концепта «*savoir vivre*» («уметь жить»), представляются:

обобщающие (родовые) понятия, характеризующие положительное отношение к данному феномену – «искусство жить», «радость жизни», «жизненный успех», «гармония», «счастье»;

обобщающие (родовые) понятия, характеризующие отрицательное отношение к данному феномену – «прожигать жизнь», «растрачивать жизнь», «бесполезность жизни»;

номинации субъекта, носителя определенной жизненной позиции – «бонвиван», «баловень судьбы», «счастливчик», «везунчик», «удачливый»; «карьерист», «выскочка»; «невезучий», «неудачник», «изгой»;

жизненные ценности, установки, цели, объединенные по различным аспектам:

интеллектуальный – «работа», «учеба»;

материальный – «достижение материального благосостояния», «трудовая деятельность (труд)»;

социальный – «достижение социального успеха», «власть», «признание в обществе», «положение в обществе»;

физический – «здоровье», «физическая форма»;

духовный – «семья», «друзья», «любовь»;

эмоциональный – «получение удовольствий от жизни», «развлечения», «наслаждение жизнью», «физическая любовь»;

самореализация как личности – «самопознание», «душевная гармония».

Говоря об обыденном понимании лингвокультурного концепта *savoir vivre* представителями французской лингвокультуры, необходимо отметить, что во французском сознании выделяют два тесно взаимосвязанных, но не тождественных концепта – *savoir vivre* и *le savoir-vivre*. В качестве русского коррелята для первого понятия представляется калька «уметь жить», однако во французском языке смысловая нагруженность данного понятия конкретизируется «знаниями хорошего тона», как неотъемлемой частью «искусства жить». Второй лингвокультурный концепт является специфическим для французской лингвокультуры, не имеет точного эквивалента в русском языке и представляется нерелевантным для представителей русской лингвокультуры.

Понимание лингвокультурного концепта *savoir vivre* франкоговорящими информантами можно условно разделить на две большие группы в соответствии с вышеуказанными понятиями *savoir vivre* и *le savoir-vivre*: 1) «получение удовольствия» и 2) «знание и соблюдение правил хорошего тона, этикета». Подобный вывод позволяет говорить об отношениях включения: концепт *savoir vivre* шире по своему смысловому содержанию и включает в себя концепт *le savoir-vivre*, представляющийся в

виде руководства к действию, свода правил, следование которым в определенной степени позволяет овладеть «искусством жить». К двум вышеуказанным группам можно добавить еще одну: 3) «стремление к гармоничным отношениям с окружающими людьми». В каждом представленном компоненте прослеживается определенная векторная направленность: получая удовольствия от жизни, человек ориентирован, прежде всего, на себя, зачастую пренебрегая другими; установка «жить для других» непосредственно определяет третью составляющую концепта; похожая ориентированность («жить для других») характеризует и второй компонент, однако здесь она в некотором роде ограничена и опосредована выполнением неких предписаний, следование которым выходит на первый план. Можно сказать, что данная составляющая объединяет два векторных направления (первое и третье), так как установка на следование правилам подразумевает как «жить для себя», так и «жить для других».

Общим элементом для трех составляющих является понятие «уважение», однако в первом случае оно приобретает несколько иной оттенок (если только можно считать эгоизм проявлением уважения к себе).

Принимая во внимание тесную взаимосвязь двух лингвокультурных концептов *savoir vivre* и *le savoir-vivre* и определенную сложность выявления смысловых составляющих непосредственно относящихся к тому или иному концепту, приведем представленные лексические единицы, объективирующие данные ментальные образования в обыденном сознании представителей французской лингвокультуры без разграничения.

Человек, который умеет жить, по мнению французов, должен поступать следующим образом и обладать следующими качествами: *optimiste, discret, sociable, attentif, souriant, poli, aimable envers les autres (sans but commercial évidemment), respecte les autres; sait obtenir chaque jours des satisfactions et en procure a son entourage; sait rester leger et agréable; profite de ce que la vie lui apporte; a l'image de savoir-vivre chez ses relations; jouie la vie; a les égards envers les autres; s'epanouit en apportant du positif a autrui; connait la*

bienfésance; tolérance, respect; l'intelligence du cœur; générosité; sensibilité; tact; amour des autres; savoir aller vers les autres; un homme qui ouvre la porte a une femme pour la laisser passer.

В свою очередь человек, который не умеет жить определяется как: apathique, égoïste, égocentrique, grossier; qui ne dit pas «bonjour» quand il arrive quelque part; manque de tact; qui ne pas satisfait ni de lui, ni des autres; ne sait pas faire plaisir aux autres et tenir compte des autres; manque de courtoisie; ne sait pas créer une image dans ses relations; se brouille facilement avec des autres; n'a pas d'égard pour l'autrui; qui s'eloigne du bonheur pour lui et autrui .

В качестве основных характеристик человека, который умеет жить, представители русской лингвокультуры предлагали следующие варианты: целеполагание, целедостижение – знает, чего хочет в жизни (умеет ставить перед собой конкретные цели, стремится к их достижению); знает пути достижения поставленных целей; соотносит свои способности с реальностью и возможностями; умеет действовать и принимать решения согласно обстоятельствам;

Характеристики и качества, присущие человеку, который умеет жить – оптимист, добрый, счастливый, мудрый, гармоничный, жизнерадостный, дружелюбный, оптимист, целеустремленный, умный, находчивый, свободный, добросовестный, работоспособный, коммуникабельный, образованный, воспитанный, самостоятельный; не боится трудностей; уважительно относится к людям; с устроенной личной жизнью (дружная семья); стремящийся к самопознанию; не боится жить; живет не для себя; обладает интуицией.

Вышеперечисленные смысловые составляющие концепта «уметь жить» маркированы положительной оценочностью. Однако следует отметить, что в русской лингвокультуре исследуемый лингвокультурный концепт чаще оценивается отрицательно, и в данном случае характеризующим подобную установку становится выражение «Хочешь жить – умей вертеться» («Хочешь жить хорошо – умей быстро вертеться» (реплика информанта). В отличие от

французской лингвокультуры, где «умение жить» связано в большей степени с получением удовольствий от жизни, наслаждением жизнью во всех ее проявлениях, для носителей русской лингвокультуры на первый план выступает не «умение жить», а «умение выживать». Данные отличия объясняются отчасти социальными и социально-экономическими факторами жизни.

Большинство русскоязычных респондентов отмечают такие негативные характеристики, связанные с понятием «уметь жить», как нечестность, неискренность, подлость, предательство, развязность, беспринципность, прагматизм, расточительность, расчет, обман, ложь, и дают следующие определения человеку, действия и поступки которого определяются именно данной установкой: старается подмять все и всех под себя; делает карьеру за счет других (карьеризм в негативном смысле); обманывает, не считается с интересами других; поступает нечестно, плетет интриги, строит козни; живет за чужой счет; манипулирует людьми; старается подчинить окружающих своим интересам; наплевательски относится к другим; слишком развязное поведение; стремится достичь своих целей любой ценой, переступая через других, пренебрегая их интересами.

Только для 7% от общего числа опрошенных русских информантов «умение жить», связанное с получением удовольствия для себя, а также стремлением доставить удовольствие другим, не содержит негативных характеристик, а воспринимается как исключительно положительное явление (сравним: у французских респондентов этот показатель достигает 43 %).

В понимании «неумения жить», существующем в русском обыденном сознании, акцентируется личностная неспособность человека достичь жизненного счастья, зависящая от его внутренних качеств: делает что-то против себя самого; не радуется жизни, не занимается любимым делом; боится показать себя; неуверен в себе; закомплексованный; безвольный, слабый, бесхарактерный; погружен в несущественные проблемы; прожигающий, растрачивающий жизнь попусту; у него ничего не клеится в

жизни; не может найти дело по душе; непостоянен; не использует существующие возможности; не хочет прилагать усилий, инертен; несамостоятельный, боится принимать решения; рохля, маменькин сынок; ленивый; злобный; пессимист.

Помимо «уважения» при исследовании лингвокультурного концепта *savoir-vivre* во французской лингвокультуре мы выходим на такие смежные с данным понятием концепты, как ответственность, свобода, власть.

Б. Пелерен в своей книге «*Individualisme et savoir-vivre*» ставит ответственность прежде свободы, объясняя данный факт тем, что, имея власть, обретаешь некоторую свободу в поступках, однако эта свобода появляется только при сознании ответственности за каждый свой жест, слово, поступок. Поднимается вопрос о различии двух понятий – эгоизм и индивидуализм. Делать все, чтобы получать выгоду только для себя, стремиться только к своему удовольствию и личным интересам, не принимая во внимание других, – одна из характеристик эгоизма. В восприятии личности как высшей ценности заключается индивидуализм. И если человек хочет чувствовать себя свободным, быть им, его долг уважать свободу других. Данную мысль можно выразить простой истиной: Поступай с людьми так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой. Известно, что во Франции *savoir-vivre* и вежливость относятся к числу добродетелей. Автор подчеркивает, что во французской культуре понятию *savoir-vivre* отводится важное место: «*Vous savez, si plus de gens respectaient ce petit principe bien ordinaire, mais qui en meme temps contient l'essentiel, ça irait probablement beaucoup mieux ici-bas. A tout le moins, on aurait plus souvent l'impression de vivre dans un pays ou le savoir-vivre et la politesse sont des vertus honorables*» (Pellerin, 2004.).

Стремление к гармонии с окружающими, как и желание наслаждаться жизнью, получая максимум удовольствий, сводится в конечном итоге к стремлению достижения счастья в жизни.

В монографии С.Г. Воркачева «Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели)» представлен детальный анализ лингвокультурного концепта «счастье», как на уровне научного и обыденного представления о данном феномене, так и на уровне языковой репрезентации концепта с точки зрения его трехслойной структуры: ценностной, образной, значимостной составляющих.

Понятие счастья, наряду с такими феноменами человеческого бытия как благо, смысл жизни, смерть, желание и любовь, «покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания», а «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения» (Балашев, 1996: 95).

Интересный взгляд на жизнь вообще и на проблему счастья в частности представлен французским теологом и натуралистом П. Тейяром де Шарденом. Задаваясь вопросом о том, возможно ли определить, в чем заключается истинное счастье, рассматриваемое как общая категория для всех людей, а не как нечто неопределенное, предполагающее «бесконечное количество частных решений» (Тейяр де Шарден, 1991: 108), теолог предлагает свою, на наш взгляд, достаточно упрощенную схему. Рассмотрим «три изначальные фундаментальные позиции, которые люди выбирают перед лицом Жизни» (Арутюнова, 1993: 71) и попытаемся выяснить какая из них наиболее характеризует представителей французской и русской лингвокультур.

Описывая разные ситуации о путешественниках, решающихся покорить вершину горы, автор наглядно показывает три типа отношения к жизни, на которые, по мнению Шардена, «подразделяется Человечество вокруг нас».

Существование, бытие (жизнь) как таковые воспринимаются первой категорией людей как «заблуждение» или «неудача», «плохая игра», в

которую они невольно оказываются втянуты и где главным становится нахождение наилучшего способа выхода из нее. Такое положение дел перекликается с пессимистическими воззрениями Шопенгауэра на жизнь. В обыденном сознании эта идея присутствует в различных, зачастую расхожих суждениях о бесполезности человеческих стремлений, постановки целей и приложения усилий для их осуществления, о ненужности прогресса и т.п., и, в конечном счете, о ненужности, бессмысленности самой жизни. Имплицитно все рассуждения подобного рода содержат в себе мысль: «лучше быть меньше, чем больше, а лучше не быть вовсе» (Арутюнова, 1988: 109).

Вторая категория людей, бонвиваны или искатели наслаждений, предпочитает быть. Однако «быть» в их понимании приобретает совершенно особый смысл. «Быть», «жить» для людей данного типа не означает «действовать», главной идеей для них становится «наполниться текущим мгновением», насладиться каждой минутой жизни, каждой вещью, не упуская ни малейшей детали. Главный же их принцип – не заботиться о переменах, поэтому и будущее для них не существенно: риск в будущем и ради будущего не оправдан. Особое отношение проявляется у людей такой категории к опасности. Риск допускается «для наслаждения или от избытка эстетства «лишь только для того, чтобы «испытать трепет от сознания своей дерзости или чтобы почувствовать озноб от испуга» (там же, 1988: 109).

Подобные идеи отражены в творчестве французского писателя А. Жида, например, в его произведении «Яства земные». Нужно отметить, что вся его книга пронизана глубокой «пылкостью», жаждой ко всему и в первую очередь к жизни, которую автор рассматривает как «единственное благо». Как и все, кто писал о жизни, А. Жид естественным образом сталкивается с ее антиподом, смертью, считая, что «ни одна самая постоянная мысль о смерти не стоит самого маленького мгновения [...] жизни», но для того, чтобы каждое мгновение стало ослепительно сияющим, оно должно

«оттеняться темными глубинами смерти», ведь «ожидание близкой смерти увеличивает ценность каждого мгновения!» .

Что касается времени – прошлого, настоящего и будущего – то существенным для бонвиванов представляется только настоящее мгновение, тот миг, в котором они находятся здесь и сейчас. А. Жид призывает своего героя: «Никогда не пытайся, Натанаэль, найти в будущем утраченное прошлое. Лови в каждом мгновении неповторимую новизну и старайся не предвкушать свои радости или знай, что на подготовленном месте тебя застигнет врасплох совсем другая радость». Из такого отношения ко времени вытекает и отношение к выбору, необходимость которого становится невыносимой. Выбор воспринимается не как отбор, а как отказ от всего того, что не выбирается. Линейность времени ограничивает, тяготит – «эту линию мне бы хотелось видеть пространством, а на ней мои желания постоянно набегали друг на друга». Неким девизом для людей данной категории могут служить следующие строки:

Удовольствия! Я ищу вас.

Вы прекрасны, как летние зори.

Яства!

Я жду вас, яства!

Во всей вселенной я ищу вас,

Удовольствия, удовлетворение всех моих желаний .

Основные понятия произведения А. Жида, среди которых любовь, пылкость, переполнение чувств, наслаждения, желания, опьянение чувствами, голод и жажда удовольствий, позволяют создать некий достаточно четкий образ, обрисовать приоритеты бонвиванов. П. Тейяр де Шарден определяет идеал жизни искателей наслаждений как «пить, никогда не утоляя жажды, но скорее увеличивая ее, ни в коей мере не с целью обретения силы, но с единственной заботой быть готовым всегда склониться над каждым новым источником с еще большей жадностью» (Гачев, 1995: 119).

К оставшейся, третьей категории относятся люди, для которых стремление к чему-то большему, чем просто «быть» становится принципом жизни. Для них жизнь «восхождение» и «открытие».

Если соотнести вышеперечисленные типы отношения к жизни с временным разделением на прошлое, настоящее и будущее, то четко прослеживается векторная направленность каждого из них на тот или иной отрезок жизни: первая категория – пессимисты – направлена в прошлое; вторая – бонвиваны – пребывает в определенном моменте настоящего (в отличие от первой и третьей, данная категория именно зафиксирована во времени); люди, придерживающиеся третьей позиции, устремлены в будущее (Гачев, 1995: 210).

Подобное темпоральное разделение применимо не только к отдельным категориям людей, но и для различного типа культур в целом. «Культуры рассматриваются как: 1) ориентированные на прошлое (ценность прошлого опыта, упор на традиции, передача мудрости от поколения к поколению, цикличное повторение событий – прошлое повторяется в настоящем), 2) на настоящее (простые радости сегодняшнего дня без заботы о завтрашнем), или 3) на будущее (текущие события важны не сами по себе, а как потенциал, вклад в достижение будущих целей) . Что касается русской культуры, то для нее свойственно линейное восприятие времени, и настоящее в большей степени рассматривается в связи с прошлым. Ориентир на настоящее («жить одним днем») в большей степени присущ французской лингвокультуре.

Каждой из трех жизненных позиций соответствует свой тип счастья:

«счастье покоя» – тихое замкнутое существование, без усилий, без риска, с постоянным ограничением запросов и потребностей («Счастлив тот, что будет думать, чувствовать и желать как можно меньше»). Данному типу счастья чужды порывы (например, французский *plan*).

«счастье удовольствия» – непрекращающиеся, постоянно сменяющиеся одно другое наслаждения, радости, желания, чувства. Не в действии и созидании, а потреблении состоит главный принцип, цель жизни бонвиванов.

(«Счастлив тот, кто умеет насладиться в полной мере тем мгновением, которое у него в руках»).

«счастье роста, развития» – постоянное движение «по восходящей» – предполагает собой направленное в будущее стремление к высшей цели, высшим идеалам. Ценностью становится не счастье, как объект в себе самом, а сам процесс его достижения. (Счастлив тот, кто «не ищет непосредственного счастья, но, продвигаясь вперед, неминуемо находит радость в самом достижении полноты и завершенности действия») (Гачев, 1995: 102).

Итак, основываясь на вышеперечисленных трех «позициях перед вызовом жизни», соотнося их типами представителей исследуемых нами лингвокультур, можно причислить носителей французской лингвокультуры ко второй категории – бонвиванам и говорить о распространенности первого типа жизненной установки среди представителей русской лингвокультуры. На наш взгляд, люди, придерживающиеся принципа «роста», «развития» в жизни (третий тип жизненной установки), встречаются как среди французов, так и среди русских. Данное положение касается отчасти и первых двух категорий, так как в любой лингвокультуре (в данном случае речь идет о русской и французской) найдутся приверженцы всех трех типов жизненных установок. Однако, причисляя французов и русских к определенным категориям, мы имеем в виду усредненный тип представителей соответствующих культур.

Рассматривая смысловые составляющие понятий *savoir vivre* и *bon vivant*, как субъект-носитель «умения жить с удовольствием», необходимо отметить, что они отличаются значительной степенью диффузности и объемностью значений.

Основные характеристики, позволяющие создать образ «бонвивана» находим у Ги де Мопассана: «On l'appelait Saint-Antoine, parce qu'il se nommait Antoine, et aussi peut-etre parce qu'il était bon vivant, joyeux, farceur, puissant mangeur et fort buveur, et vigoureux trousseur de servantes, bien qu'il est

plus de soixante ans» (Мопассан. Contes de bocasse) (Его называли Святой Антуан, потому что имя у него было Антуан и может быть еще потому, что он был бонвиваном, жизнерадостным, большим любителем поесть и выпить, неисправимым волокитой за служанками, даже не смотря на свои шестьдесят лет.).

Характеристика, данная графу Остерману в «Записках английского резидента Рондо о некоторых вельможах русского двора» позволяет выявить некоторые смысловые составляющие понятия **bon vivant**, так же относящиеся и к лингвокультурному концепту *savoir vivre*, в своем отрицательном значении, а именно – ловкость, изворотливость, лукавство: «Никак нельзя отнять у него ума и ловкости; но он преисполнен изворотливости и лукавства, лжив и обманчив; в обращении угодлив и вкрадчив; принимает личину чистосердечия и низкопоклонен; это качество считается вернейшим залогом успеха у русских, а он превосходить в нем даже Русских. **Он любит пожить**, довольно щедр, но не благодарен» (Толстой: www).

Другой пример позволяет добавить к перечисленным характеристикам такие, как умение общаться, вежливо, любезно, обходительно вести себя, что оценивается положительно: «Старик А.О. Жонес [...] был очень популярной фигурой. У него не было врагов в Нижнем Тагиле. Он всегда был со всеми вежлив, любезен, говорил о делах, делал предположительные распоряжения, обещал всем потом написать и оформить, никогда не исполняя то, что говорил, полагаясь во всем на волю Управляющего. Но фигура этого *bon vivant* была так приятна, обращение так любезно и обходительно, что «Жонса», как его звали рабочие, положительно любили в Тагильских заводах».

В качестве еще одной неотъемлемой черты *bon vivant* необходимо отметить и неиссякающий оптимизм: «*Cocu optimiste ou bon vivant est celui qui voit tout en beau, s'amuse des intrigues de sa femme, boit a la santé des cocus et trouve a s'égayer la on d'autres s'arrachent des poignées de cheveux. N'est-il pas*

le plus sage?» (Fourier. Tableau analytique de cocuage) (Рогоносец-оптимист, или весельчак, это тот, кто во всем видит только прекрасное, забавляется интригами своей жены, пьет за здоровье рогоносцев, и может веселиться в тех ситуациях, где другие рвут на себе волосы.).

Понятие «**бонвиван**» находит свое отражение и в сознании представителей русской лингвокультуры, однако при переходе лингвокультурного концепта из одной культуры в другую происходит естественное искажение, утрата некоторых смыслов.

Характеризуя с помощью данных понятий свою манеру жить, свое мировоззрение и жизненные установки, человек с помощью одной языковой единицы транслирует многочисленные смыслы, заключенные в данных концептах. Однако несмотря на то, что адресат в некоторых случаях не испытывает особых затруднений при их понимании, иногда даже умея дать достаточно точное определение понятиям, он имеет перед собой лишь размытый образ, представление о предмете разговора. К подобным выводам нас привели результаты опроса русскоязычных информантов. В отличие от французской лингвокультуры, где понятия *savoir vivre* и *bon vivant* являются лингвокультурными концептами, в значительной степени определяющими и характеризующими особенности национального характера, в русской лингвокультуре данные концепты представляются недостаточно релевантными именно в тех значениях, которые они приобретают во французской лингвокультуре. Конечно же, более или менее адекватное осмысление французских концептов присутствует и в русской культуре у отдельных ее представителей, однако оно не является преобладающим.

В качестве примера приведем отрывок из интервью Артемия Троицкого, считающего, что в жизни главное – удовольствия:

Тогда вопрос: "Кто вы, мистер Троицкий?" вполне уместен...

Есть такое хорошее французское слово "бонвиван" (*bon vivant*), обозначающее человека, который любит хорошо пожить. В первую очередь бонвиваном я и являюсь.

Это род занятий или мировоззрение?

Это, я думаю, тот счастливый случай, когда мировоззрение превратилось в род занятий. Очень многие люди вынуждены жить совершенно иначе: для них на первом месте стоит работа, карьера, продвижение и развитие в какой-то определенной сфере. Соответственно, какие-то мелкие жизненные удовольствия стоят на втором месте. Но у меня получилось так, что мелкие жизненные удовольствия стоят на первом месте. На работе, чтобы выглядеть серьезным, я делаю вид, что на втором. По всем гороскопам я человек поверхностный, и надо сказать, что мне удавалось именно поверхностным образом делать много интересных и полезных вещей. И в то же время интересно проводить жизнь.

Итак, мы видим, что мажорное отношение к жизни, умение по-детски радоваться жизни, ценить сиюминутные простые удовольствия, составляющее сущность ежедневного бытия здесь и сейчас, свойственное французам, присуще отчасти и русским. Различие между сравниваемыми культурами применительно к этому «умению жить» заключается в том, что для французов такое отношение к жизни более значимо, чем для русских, оно более детально отражено в характеристиках типичного французского поведения. Может возникнуть вопрос: в какой мере мы вправе так считать, если, например, А.С. Пушкин как выразитель сущности русской ментальности постоянно подчеркивает в своих стихотворениях радость и удовольствие от жизни. На наш взгляд, А.С. Пушкин в определенной мере выражает не только общекультурные русские черты поведения, но и характеристики дворянского поведения, которое в 18 и 19 веках в значительной мере испытывало влияние французского аристократического стиля жизни в целом.

1.2. Культурные доминанты французского менталитета

У каждого человека три характера:

тот, который ему приписывают;

тот, который он сам себе приписывает;
и, наконец, тот, который есть в действительности
В. Гюго.

«Возникновение коллективных представлений народов друг о друге – чрезвычайно сложный и противоречивый процесс. Удивительна устойчивость никогда не затухающего в сознании человека представления о «своих» и «чужих», инстинктивное отталкивание всего чужого как непонятного и неприемлемого. С этим, вероятно, основным, определяющим, стереотипом в отношении к другим народам связываются и другие устойчивые представления, характеризующие действительные или мнимые черты национального характера» (цит. по: Борисова, 2002: www). В самом деле: «за французами прочно закрепились легкомыслие и усердие в любви, за немцами – педантичность, любовь к порядку, обстоятельность и умеренность во всем, за русскими – широта души, щедрость и лень» (Бабушкин, 1996:65).

В силу того, что лингвокультурный концепт *savoir vivre* рассматривается в нашем исследовании в качестве специфического для французской лингвокультуры, в значительной степени характеризующего французский менталитет, считаем необходимым в общих чертах обрисовать образ француза, как с позиций представителей других лингвокультур (в частности русской, немецкой, английской), так и с позиций самих французов. Данная информация позволит уточнить, насколько релевантным является исследуемый концепт для французского языкового сознания.

Понять народ, его дух, представляется довольно сложной задачей. В любом случае замечаниям и выводам по данному вопросу будет присущ некий субъективизм.

Рассматривая французский ум с психологической точки зрения, затрагивая вопросы темперамента, можно говорить о присущей данному народу впечатлительности («мы по-прежнему остаемся легко возбуждаемой нацией», которая проявляется во «врожденной жажде ко всем возбуждениям приятного характера»). Напротив, все тягостные и угнетающие впечатления

провоцируют не только внутреннее, психологическое противление к подобного рода явлениям, но и выражаются на внешнем, физическом уровне как «физическое отвращение». Вследствие этого, как утверждает А. Фульье, говоря о своих соотечественниках, «мы, подобно нашим предкам, всегда легко доступны удовольствию и радости во всех ее формах, преимущественно же наиболее непосредственных и не требующих усилий» .

Для определения основных черт, составляющих французский национальный характер, важную роль играет такое понятие, как «*plan*». Порывистость, прямолинейность характера, отличавшая еще галлов, сохранилась и у французского народа, которому свойственны скорее «внезапные порывы», чем «медленные усилия», где храбрость иногда доходит до дерзости, а любовь к свободе граничит с недисциплинированностью. Именно французский «*plan*», чрезмерная внезапность во всем (принятии решений, приверженности идеям, чувствам) стал причиной упреков в адрес французов со стороны представителей других наций в легкомыслии и сумасбродстве.

Достаточно сильно проявляется у французов желание «играть на публику», ставшее уже внутренней потребностью. Это относится как к области чувств, где преобладает стремление к их внешнему проявлению, так и к поведенческой сфере вообще, где желание блеснуть перед толпой нередко влияет, например, на правдивость рассказываемого французом. Последний может сознательно приукрашать свой рассказ в ущерб истинности. Однако при этом, француз остается искренним и откровенным (так утверждают сами французы), его нельзя обвинить в притворстве, хитрости. Проявление остроумия (принимаемое иногда форму светского тщеславия) также нуждается в наличии и привлечении внимания публики, для удовлетворения своего желания «нравиться другим, забавляя их».

Среди интеллектуальных качеств выделяется понятливость, имеющая как свои положительные, так и отрицательные моменты. Способность быстро улавливать важные моменты, желание быстро достигнуть цели, приводит к

поверхностности и непрочности знаний, результатом которых становятся поспешные, иногда неверные суждения. Этой же торопливостью, нежеланием (а возможно, и неумением) углубляться в подробности можно отчасти объяснить склонность французов «ко всякому упрощению». Такой упрощенный подход, вероятно, определяет и отношение французов к жизненным трудностям, проблемам, и их стремление к веселости, беззаботности, радостям жизни. Французов можно отнести к народам-оптимистам, которые «склонны жертвовать будущим, в котором они никогда не сомневаются, ради настоящего момента». Подтверждение тому нам дает и классификация П. Тейяра де Шардена о трех типах людей, их поведения «перед лицом Жизни», изложенная выше.

Мода, законодателями которой сами французы и являются, оказывает значительное влияние и на них самих. Следование моде, которая всегда властвует над французами, может вызвать у них увлечение прямо противоположными идеями. Однако, что касается манеры одеваться (то есть моды в одежде) в повседневной жизни, у французов проявляется скорее пренебрежительное, чем благоговейное отношение к одежде. Для подтверждения вышесказанного приведем пример сравнения французов и русских (мужчин и женщин) с позиции представителя французской лингвокультуры: **«Les hommes russes sont très modestes. En tous cas ils ne draguent pas les filles dans les rues. Il peuvent le faire, seulement si ils ont assez bu pour ça. Ils ne ressemblent absolument pas aux français. Les hommes russes essayent de faire attention à eux. En France, les gens s'en fichent: les hommes peuvent être mal raéï, en ti-shirt et en jeans. Les hommes russes sont très ambitieux, je ne sais pas si c'est bien ou mal ... Les russes, en général, ne sont pas avides, mais en ce qui concerne leurs «émotions intérieures, ils sont sercrets, et ne montrent jamais leurs sentiments. Tous ce découvre quand on mets devant lui de l'alcool – parfois la bière ne suffit pas, alors la vodka prend le relais. Alors il se comporte de manière plus ouverte, plus libre peut-être. Il existe aussi des hommes irresponsables. ... En Russie, les femmes sont plus**

fortes moralement. Les femmes sont très féminines, elles essaient de bien s'habiller, parfois elles sont trop maquillées et ont l'air de poupées. Il y a ici beaucoup de très belles femmes. A mon travail, les femmes s'habillent comme moi si j'allais chez des amis ou a une soirée. Cela ne correspond pas tout a fait a la culture française. Non seulement les hommes ne font pas attention à eux, mais les filles sont en jean, et elles portent le minimum de maquillage, et on y est tous habitué».

Основные характеристики, данные русским одним из представителей французской лингвокультуры, можно привести в виде схемы:

РУССКИЕ (МУЖЧИНЫ) оценка

скромны, просты +

следят за собой (внешность) +

очень амбициозны +/-

не жадные +

скрытные (чувства, эмоции) +/-

безответственные -

примитивные -

слабые -

Своей простотой, скромностью русские мужчины абсолютно не похожи на французов. Внимание, уделяемое русскими своей внешности, оценивается положительно, особенно явно это проявляется на фоне несколько пренебрежительного отношения к внешнему виду французов (как у мужчин, так и у женщин).

Что касается внешнего вида русских женщин, то их обвиняют в чрезмерности в макияже, некотором несоответствии выбора одежды для того или иного случая (русские женщины стараются выглядеть красиво, они всегда одеваются так, как если бы шли на какой-нибудь вечер), что абсолютно не соответствует французской культуре.

Русские женщины оценка

Сильные (морально) +

Очень женственные +

Следят за собой (внешность) +/-

«Французская вежливость» является одной из важнейших составляющих системы ценностей французов. Ее расцвет приходится на период абсолютизма, «когда вопросам этикета и церемониала придавалось очень большое значение». В это же время появляются и начинают широко распространяться «изоощренные формы обращений, приветствий, подписей, которые отчасти сохранились до наших дней. Суть пышно-церемониальной французской придворной учтивости состояла в стремлении всячески возвеличить собеседника или адресата». Бывшие характерными для XVIII-XIX вв. формулы вежливости (например, в письме) типа: «С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честью имею быть, милостивейший государь, Вашим покорнейшим слугой» в XX в. значительно упростились, тем не менее, и в настоящее время «формы вежливости во Франции, сложнее, чем в других странах» (Смирнов, 1988: 142).

Однако существует мнение, что «былая французская вежливость исчезает. Действительно, ускорившийся темп жизни, увеличение чисто внешнего, формального, «улично-магазинного» общения, вечно спешащие массы людей на улицах больших городов не располагают к проявлению прежней, порой церемонной вежливости. И все же вежливость, такт и учтивость остаются украшением Франции» (Смирнов, 1988: 143).

«Язык данного народа так же связан с его характером, как черты лица с характером индивидуума: у филологии есть свое лицо» .

«Родной язык для французов – воплощение национального достоинства, а потому они, как бы в целях самозащиты, формализую его самым невероятным образом. Во французских словарях обычно даже есть специальный набор фраз, которыми желательно пользоваться как «средством аргументации» .

Тем не менее, отмечается и стремление французов к точности и ясности, отражаемое в языке. Вот что пишет А. Фуллье о французском языке:

«...всякая фальшь слышна в нем [языке], как на хорошо настроенном инструменте. Это – язык, на котором всего труднее плохо мыслить и хорошо писать. Француз выражает отдельными словами не только главные мысли, но и все второстепенные идеи, часто даже простые указания соотношений. [...] В силу исключительной привилегии, французский язык один остался верен прямому логическому порядку, чужд смелых нововведений, вызываемых капризом чувства и страсти. [...] Даже чувство проникает в него только через посредство идеи и обязано ограничиться оттенками большей частью интеллектуального характера. Даже при выражении самых индивидуальных мыслей французский язык требует известного рода безличности и как бы доли универсальной симпатии» .

Затрагивая вопрос национального языка, мы непосредственным образом получаем выход на языковую картину мира рассматриваемых лингвокультур, русской и французской, на уровне которой так же обнаруживаем некоторые различия, проявляющиеся, в частности, «в способах выражения собирательности, совокупности и множественности» (Апресян: 1995: 39). Отметим, что в сравнении с русским языком для французского характерна «бульшая степень разнообразия и детализации». Например, если в русском языке слово «чистить» в значении «приготавливая в пищу, освобождать от верхнего слоя, кожуры, чешуи и т.д.» одинаково употребляется в сочетании со всеми видами продуктов (чистить картошку, апельсины, грибы, рыбу, овощи), то во французском языке отмечается более тщательная детализация и различие способа очистки в зависимости от того, о каком продукте идет речь: *éplucher* (более нейтральное и обобщающее слово для выражения значения «удалять ненужное»), *peler* (употребляется, когда речь идет о фруктах, овощах – чистить яблоки, груши, апельсины, лук и т.п., то есть обозначает «снимать верхний слой»), *écaler* (чистить орехи (от *écale* (f) – скорлупа, шелуха), *énuclier* (вынимать косточки), *écailler* (чистить чешую (от *écaille* (f) – чешуя), *vider* (вынимать внутренности, потрошить (о птице, дичи).

Наличие определенной системы правил в поведении, языке и самой жизни имеет для французов определяющее значение. На наш взгляд, можно с уверенностью сказать, что лингвокультурный концепт *savoir vivre* находит свое выражение во французском языке не только в качестве той или иной лексической единицы, но и содержится в самой системе языка, которой свойственно «приличие» и мягкость. Из рассуждений Венедеев в своей книге «*Les Allemands et les Français, d'après l'esprit de leur langue et leurs proverbes*», где он сравнивает француза и немца, можно сделать вывод о значимости для французского языкового сознания самого глагола *savoir*: «Француз знает, немец может; один знает язык, знает (умеет) сделать что-нибудь, знает (умеет) молчать; другой может говорить на известном языке, может сделать что-нибудь, может молчать» (цит. по: Фуллье: www). В русском языке, принимая во внимание словарные дефиниции глаголов, «знать» еще не обозначает «уметь». Во французском языке дело обстоит иначе. Обращение к толкованию значения глагола *savoir* по словарным дефинициям показывает, что *savoir* во французском языке в первом значении передает смысл «знать, узнать» (что соответствует смысловому содержанию русского глагола «знать»), однако это относится к различного рода информации, как таковой, и информации о чем-либо, в частности: узнать новость (*vous savez la nouvelle*); знать урок (*il sait sa leçon*); знать языки (*il sait plusieurs langues*); знать что-то относительно какого-либо дела, вопроса (*l'affaire que vous savez, il en sait long sur la question*), [у]знать правду (*je veux savoir la vérité*); знать дорогу (*savoir son chemin*), знать кого-либо или что-либо о качествах (*je le sait très poli, il est gentil, vous savez*), пристрастиях (*je ne te savait pas prestidigitateur*), профессии, намерениях субъекта (*tout le monde sait qu'il va partir*) и т.п. Смысловое содержание второго значения рассматриваемого глагола соответствует русскому «уметь», где речь идет об «обладании какой-либо способностью, умении делать что-либо; быть в состоянии, мочь сделать что-либо хорошо, так как нужно»: уметь плавать, играть на пианино (*il sait nager (jouer du piano)*); уметь защититься (*si l'on m'attaque, je saurai me*

défendre) и т.д. То есть можно говорить о том, что во французском языке, в отличие от русского, знание подразумевает умение.

Говоря о французском языке, отметим также, что помимо ясности и точности, ему приписываются такие качества, как вкус, грация, изысканность, изящество, они же, в свою очередь, и характеризуют в целом и французский менталитет: «Французский язык, одновременно здравомыслящий и остроумный, правильный и гибкий, соединяющий живость с достоинством, естественность с изяществом, повлиял на поддержание тех свойств, которые французский народ всегда обнаруживал в своих художественных произведениях [...]: прежде всего, вкус, вносимый им во все свои произведения и представляющий собой не что иное, как рассудок, регулирующий свободу ...; затем – грацию, тайна которой известна французам более, чем другим народам, и которая является самопроизвольным выражением любящего и доброжелательного чувства свободы и общности, чуждающиеся всякого условия, принужденности и резкости; наконец – эту заботу об изяществе, проявляемую нашими простыми рабочими, особенно парижскими, во всех их работах, превосходство которых неоспоримо; эта благородная забота не позволяет им жертвовать прекрасным ради полезного или дешевого, достоинством ради удобства, умственной свободой ради слепого машинного труда» (Фульье: www).

Обратим внимание на то, с какой восторженностью автор говорит о своем языке, о своей нации, о своей культуре. Конечно же, в той или иной степени, каждому народу присуще полагать, что его культура, традиции, страна, язык лучше, чем у представителей других народов, однако осмелимся утверждать, что подобное вознесение, идеализация «своего» и резкое оппозиционирование всего «нефранцузского» у французов выражено в гиперболизированной форме. Такое же преувеличенное представление сложилось у французов о собственном счастье.

По результатам опроса, проведенного IFOR и газетой «Экспресс» французы на 95% процентов счастливы ... быть французами и 82% из них считают, что их соотечественники придерживаются такого же мнения. Источником подобной удовлетворенности становятся ценности Франции: свобода, равенство, братство (называются 93% опрошенных), демократия (87%) и высокое положение, которое Франции занимает в мире (85%).

В качестве источников счастья представители французской лингвокультуры называют: красоту Франции, ее пейзажи, климат (96%), французскую культуру (94%), искусство жить (88%), кухню (85%), французскую литературу (85%), темперамент французов (56%). Однако несмотря на такую любовь к своей стране, 61% французов готовы уехать жить в другую страну, например, Канаду, США, Испанию, Италию, Германию (Label France: www).

Что касается материального благосостояния, то, несмотря на огромное значение, которое играют деньги «в реальной жизни современного французского общества, в общепринятой системе взглядов они котируются не слишком высоко». Идеалом представляется «не богатство само по себе, а возможность благодаря богатству наслаждаться жизнью. Покой и независимость, удовольствие...; беседа с друзьями, общество очаровательных женщин, хорошая кухня, вообще утонченность и «сладость жизни», издавна воспеваемая французской поэзией, - вот ценности, которые пользуются неизменным уважением» (Смирнов, 1988: 139).

Среди мнений о французах, выражаемых представителями других народов (немцы, итальянцы), большинство негативных качеств, в которых упрекают жителей Франции, сводится к следующим: легкомыслие, изменчивость, тщеславие, самохвальство, непоследовательность, беспорядочность (в то время как сами французы считают, что их действия, поступки, слова отличаются достаточно строгой логикой), порывистость, запальчивость, поверхностность, фанфаронство, отсутствие устоев и неуважение к религии.

О том, что для французов имеет наибольшее значение настоящее мгновение (здесь и сейчас) отражено в следующих мнениях: «Их интересует одно настоящее; прошлое забывается ими только потому, что оно – прошлое; а будущее не беспокоит их»; «Они так поглощены хорошим или дурным настоящей минуты, что одинаково забывают оскорбления и благодеяния, полученные ими; будущее добро или зло не существует для них» (цит. по: Фулье: www). Еще одна черта французского национального характера затрагивается в приведенном выше суждении, а именно: способность забывать все плохое, прощать обиды.

Многие свои недостатки сами французы считают признаком гениальности. Например, всегда начинать с результатов, качество, обусловленное свойством французов *penser, voir en grand* (мыслить широко, объемно, величественно).

Положительно оцениваемая «живость французского характера» так же приобретает негативную окраску, так как не руководствуется хорошо обдуманной принципами. «Любовь к переменам», «дух свободы» в сущности позитивные феномены, как составляющие французского менталитета не оцениваются положительно: первый, так как основывается на легкомыслии, возможно, отчасти следовании моде («некоторые вещи не могут долго существовать единственно потому, что они или стары, или были чрезмерно восхваляемы»); второй – за то, что переходит всякие границы – «дух свободы, который увлекает своим порывом даже самый разум».

Фрагмент французской песни «*Mentalité française*» (Ж.-М. Вивье) позволяет нам увидеть некоторые характерные черты французов, касающихся веры в Бога, суеверий, отношения к другим нациям.

J'crois ni au diable ni a Dieu Я не верю ни в черта, ни в Бога

Mais lorsque la vie penche un peu Но когда жизнь начинает идти под откос

Je brule un cierge et ça va mieux Я ставлю свечку и все налаживается

J'crois ni au diable ni à Dieu Я не верю ни в черта, ни в Бога

Je ne suis pas superstitieux Я не суеверный

D'ailleurs le vendredi 13 mai В пятницу 13 мая

Je fais toujours ce qu'il me plait Я делаю все, что захочу

**Mais je n'sors pas, on n'sait jamais Но я не выхожу из дома, никогда
не знаешь, что может случиться**

Je ne suis pas superstitieux Я не суеверный

Отношение французов к представителям других национальностей, по мнению самих же французов, рассматривается как лояльное, толерантное. Тем не менее, строки песни содержат идею, четко подчеркивающую границы лояльности и терпимости к другим – «нефранцузам»:

**В моей жизни нет места расизму,
среди моих друзей есть даже черные,
но если моя дочь захочет выйти замуж
за негра – я ей запрещу,**

Все-таки, не нужно переступать черту

Y a pas d'racisme dans ma vie

J'ai meme des noirs dans mes amis

Mais si ma fille veut se marier

Avec un noir c'est refusé

Faut tout d'meme pas exagérer (Mentalité française: [www](#)).

Результаты форума на тему «Французы, какие они?» показали, что такое качество французов, как гордость за свою страну воспринимается представителями других лингвокультур (например, финнами) скорее отрицательно, чем положительно. Сами же французы гордятся своим отношением к своей стране, восхваляя ее культурное наследие, считая при этом данное качество позитивным (La communauté franco-finlandaise: [www](#)).

Как отмечают некоторые немецкие философы, в частности И. Кант, во французском языке существует целый пласт труднопереводимых на другие языки слов, «оттенки которых выражают скорее черты национального

характера, нежели определенные предметы, как, например: *esprit* (в отличие от *bon sens*), *frivolité*, *galanterie*, *coquette*, *petit-maitre*, *étourderie*, *point d'honneur*, *bon ton*, *bon mot* и т.п. (цит. по Фуллье: [www](#)). На наш взгляд, данный список можно дополнить, причислив к нему и лингвокультурные концепты *savoir vivre*, *comme il faut*, *bon vivant*, *jouir* и т.п.

Несмотря на такое количество недостатков, присущих, по мнению представителей других культур, французам, у этой нации отмечаются, конечно же, и положительные стороны. «Мне нравится приятная манера французов быть вечно в праздничном настроении; признаюсь, я с удовольствием думаю, что [все жители] большого города поглощены исключительно прелестями жизни, почти не зная ее неприятностей; это показывает, что все [эти люди] счастливы», – так описывал свои впечатления о французах прусский король Фридрих II, считавший также, что французы – «это, быть может, единственная нация, умеющая находить даже в несчастьи источник шуток и веселья». Любое поражение французов, будь то война, политика, любая другая область человеческой жизни, все равно преподносится ими как победа, основой чему является тщеславие и склонность французов «с важностью рассуждать о мелочах и легкомысленно относиться к крупным вещам». Самое главное оружие французов перед лицом трудностей и неприятностей – смех, который наравне с веселым нравом занимает важное место в складе мышления французского народа. Французы любят и умеют смеяться: остроумная шутка заставляет их забыть обо всем, «благодаря превосходному действию их легкомыслия, склонность радоваться берет у них верх над всеми соображениями, могущими заставить их печалиться», а «запас природного веселья, которым особенно богаты все французы, песня или удачно сказанное слово разгоняют все их невзгоды» (цит. по Фуллье: [www](#)).

В силу того, что язык тесным образом связан менталитетом народа, в художественной литературе в той или иной степени отражаются его характерные черты. Поэтому достоинства, которые, по мнению Гёте,

французы ищут в литературе, и составляют черты их национального характера: «Глубина, гений, воображение, возвышенность, естественность, талант, благородство, ум, остроумие, здравомыслие, чувствительность, вкус, умение, точность, приличие, хороший тон, сердце, разнообразие, обилие, плодovitость, теплота, обаяние, грация, живость, изящество, блеск, поэзия стиля, правильная версификация, гармония и т. д.» .

Представителями других наций отмечаются так же такие качества французов как патриотизм, любовь к разговору, остроумие, грация, вежливость, серьезность, честность в делах, преданность в дружбе: «Les Français sont des gens sérieux, travailleurs, fidèles en relations d'affaires, loyaux en amitié et, malgré une réputation individualiste, des gens collectivistes qui prennent toujours leur entourage en considération. Bref, des gens très agréables et intéressants».

Они очень откровенны: «у них ничто не скрывается и ни о чем не умалчивается намеренно. Все, даже слезы, принимаются ими за чистую монету». Разговор во Франции – целый мир. «Здесь действительно не щадят усилий, и французы чрезвычайно ценят умение выражаться. Разговаривать – значит для них думать вслух». «Французу необходимо болтать, даже когда ему нечего сказать. В обществе он считает неприличным хранить молчание, хотя бы только в течение нескольких минут» (Шопенгауэр) (цит. по Фуллье). Как и у многих других черт, свойственных носителям французской культуры, у «любви к разговору» галльские корни.

«Французы имеют право занять первое место среди народов и составляют действительно высшую нацию по своей живости и быстроте ума. Умеренный климат, превосходное вино, ... чрезвычайная общительность со всеми окружающими, ... – все у них ... указывает на непреодолимую склонность к веселью и увлечению. Когда другие плакали бы или корчились от бешенства, они смеются, и так было всегда, ... вчера, как сегодня» (Вебер) (цит. по Фуллье: www).

«Экспериментаторы по природе, французы отличаются особой любовью ко всяческим выдумкам и фантазиям. Это одна из наиболее ярких черт французского характера. Нет такого совершенства, которое нельзя было бы испортить, нет ничего абсолютно прекрасного, чего нельзя было бы опошлить. Собственно французов куда больше интересует не некий конкретный конец пути, а само путешествие и те заманчивые возможности, которые оно сулит. Им нравятся любые новые идеи и концепции, они постоянно забавляются с такими серьезными вещами, как демократия, ядерная энергия, железные дороги и всякие технические штучки» (Арутюнова 1988: 132). «Здесь, как и во всем, что они делают, французы постоянно балансируют между возвышенным и нелепым (там же, 2001: 133). Подобное утверждение в очередной раз указывает на противоречивый характер французов.

При первом общении с французами может показаться, что это кроткие, скромные, послушные, добрые натуры. Однако стоит лишь разозлить француза и он «взорвется, как бутылка шампанского», моментально став жестоким, надменным, неприязненным. Данное утверждение действительно верно и подтвердилось на личном опыте общения с французами. Тем не менее, следует так же заметить, что французы так же быстро «остывают», как и «взрываются».

Особое место во французском языковом сознании занимает дружба: «ей нет равной; я часто имела случай убедиться, что французы защищают своих друзей, не жалея крови». (Kohl); «Француз способен на самую благородную, бескорыстную и преданную дружбу, чего многие не признавали за ним» (Гиллебранд) (цит. по Фуллье: www).

Существует мнение, что у каждой нации есть своей возраст. Если с этой точки зрения характеризовать французов, то они, без всякого сомнения, дети, «которых конфетка излечивает от всяких болезней» – *bons enfants*: «каждый из них одновременно и добр, и ребенок» (Kohl) (цит. по Фуллье: www). Именно в этом ребячестве самая отличительная черта народа.

Общение во французской лингвокультуре играет значительную роль, о чем свидетельствует такая черта национального характера французов, как любовь к разговору. В русской лингвокультуре общению так же придается большое значение, однако существуют некоторые различия, касающиеся данного феномена в двух исследуемых культурах.

Определенный тип общения, сложившийся в той или иной культуре и задаваемый ее стандартами, представляет, по Т. Парсонсу, одну из возможностей для анализа различных культур. Выделяется два типа общения – «конкретное» и «диффузное». Выбор человеком социального окружения при «конкретном общении» осуществляется с позиции его полезности для реализации собственных целей, то есть «каждый человек хорош и нужен только в определенных обстоятельствах и для определенного занятия». Что касается «диффузного общения», то в основе выбора людей, в качестве знакомых и друзей, лежат другие, более широкие, критерии отбора, например, личностные характеристики, причем те, которые составляют «ядро» личности (постоянные). Остальные переменные, такие как материальное, социальное положение, сфера деятельности и интересов отходят на второй план. В отличие от первого вида общения, человек, склонный к «диффузному общению» может поменять свои цели (отказаться от старых и поставить перед собой новые) в случае, если они не поддерживаются и препятствуют общению.

Глава 2. Способы языкового выражения лингвокультурного концепта *savoir vivre* во французской лингвокультуре и его соответствия в русском языковом сознании

2.1 Отношение к жизни как концепт-антиномия

Для анализа языкового выражения лингвокультурного концепта *savoir vivre* необходимо рассмотреть языковые репрезентации лингвокультурных

концептов, представляющие собой бинарную оппозицию «жизнь» – «смерть» как основу для понимания концепта *savoir vivre* («уметь жить с удовольствием») во французском и русском языковом сознании.

На тесную взаимосвязь двух диаметрально противоположных лингвокультурных концептов «жизнь» и «смерть» указывает тот факт, что понимание каждого из них осуществляется одно через другое. Данная идея находит свое отражение в единицах паремиологического фонда (жить грустно, а умирать тошно; от жизни до смерти – шаток; *la vie et la mort, rien n'est plus fort*), в афористике (*Il est probable que la mort soit moins pénible que la vie; pour savoir ce qu'il a après la mort, il suffit de savoir ce qu'il y a avant la vie*; чтобы иметь право жить, надобно приобрести готовность умереть; бояться надо не смерти, а пустой жизни и т.д.), прослеживается в структуре рассматриваемых концептов, в наименовании смежных концептов, в их характеристиках.

Мы считаем рассмотрение лингвокультурного концепта «смерть» в данном исследовании необходимым, так как оно органически связано с ядерным концептом настоящей работы – «уметь жить», напрямую коррелирует с ним.

Анализ словарных статей толковых словарей русского языка позволил выявить следующие значения понятия «жизнь»:

Особая форма существования материи, возникающая на определенном этапе ее развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ (биологический аспект) – возникновение жизни на земле, жизнь растительного мира;

Физиологическое состояние живого организма (человека, животного, растения) от зарождения до смерти (в данном случае смерть противопоставляется жизни в значении «прекращение существования живого организма (человека, животного, растения)» - дать жизнь, беречь жизнь, отдать жизнь за кого-либо;

Полнота проявления физических и духовных сил как внутренних (полон жизни, в нем много энергии, много жизни), так и внешних (в его глазах столько жизни!; В чертах у Ольги жизни нет (Пушкин);

Период существования кого-либо от рождения до смерти (долгая, короткая жизнь; в начале, в конце жизни):

ограниченный определенными временными рамками период существования кого-либо – жизнь у друзей запомнилась надолго; три месяца деревенской жизни подходят к концу;

совокупность всего пережитого и сделанного человеком – его жизнь богата событиями;

Образ существования, установившийся порядок в повседневном существовании – жить яркой, увлекательной жизнью; городская, бродячая, семейная, частная жизнь;

Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях, в различных областях, сферах – общественная, хозяйственная, духовная жизнь; жизнь государства;

Реальная действительность, бытие – в жизни я с ней не встречался;

Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ – жизнь на базаре кипит во всю.

Во французском языке в качестве значений понятия «la vie» представлены следующие:

Особая форма существования материи, физиологическое состояние живого организма (животного, растения) (*ensemble des phénomènes assurant l'évolution de tous les organismes animaux et végétaux depuis la naissance jusqu'à la mort*) – la vie est apparue sur la Terre il y a environ quatre milliards d'années;

Человеческое существование (*existence humaine*) – *etre en vie, donner la vie*;

Жизненная энергия, жизнеспособность, оживление, живость (*vitalité, en train*) – *un enfant plein de vie*;

Промежуток времени (длительность) от рождения до смерти (*durée de l'existence, temps qui s'écoule de la naissance a la mort*) – *sa vie a été courte; les périodes de la vie – au matin, au soir de la vie;*

Течение жизни, события, которые ее наполняют (*cours de l'existence, événements qui le remplissent; conduite, moeurs (biographie)*) – *mener une vie tranquille, vivre sa vie, il a écrit une vie de Beethoven;*

Стоимость жизни (*cout de la subsistence, de l'entretien*) – *la vie est de plus en plus chère;*

Человеческая деятельность (*activité humaine*) – *la vie littéraire, sportive, spirituelle;*

Оживление, активность (*amination, activité*) – *quartier ощ règne une intense vie nocturne;*

Другая жизнь, жизнь на том свете (*l'autre vie, la vie éternelle (ce qui suit la mort; le paradis, l'enfer, le purgatoire)*) (религиозный аспект).

Отраженные значения исследуемых понятий в толковых словарях русского и французского языка позволяют с уверенностью говорить об их значительном сходстве, однако данный факт не является основанием считать тождественными лингвокультурные концепты «жизнь» и «*la vie*» во французском и русском сознании. Различия, как можно видеть, касаются следующих моментов: во французском словаре выделяется в качестве отдельного значения «стоимость жизни» (в русском языковом сознании этот смысл также наличествует); понимание жизни как «существования человека после смерти (вечная жизнь)» не отмечено в словарных дефинициях русского языка (Ожегов); (БТСРЯ), во французском языке, наоборот, данное значение понятия «*vie*» отдельно выделяется. Отсутствие значения «вечная жизнь» в толкованиях понятия «жизнь» в русском языке не говорит, однако, об отсутствии самого феномена в русском сознании, на что косвенно указывает понимание смерти как «конца земной жизни, разлучения души с телом (переход к другой вечной, духовной жизни). Понимание же смерти во французском языке как «полного и окончательного прекращения жизни»

вступает в противоречие с выделяющимся в отдельное значение пониманием жизни как «существующей и после смерти».

В противопоставлении жизни и смерти жизнь является немаркированным компонентом, и поэтому в языковом сознании характеристики смерти как антипода жизни представлены детально и вариативно. Отталкиваясь от этих характеристик, мы можем моделировать существенные для носителей французской и русской лингвокультур признаки концепта «жизнь».

В результате анализа словарных дефиниций лингвокультурного концепта «смерть» в русском языке нами были выявлены следующие основные параметры рассматриваемого концепта:

прекращение существования живого организма (человека, животного) – биологическая смерть, клиническая смерть;

конец земной жизни, разлучение души с телом (переход к другой вечной, духовной жизни);

конец жизни + обстоятельства смерти;

а) естественная смерть – мучительная, легкая; умереть своей смертью;

б) внезапная, неожиданная смерть, смерть от несчастного случая – скоропостижная, глупая, ранняя, геройская;

в) самоубийство – покончить жизнь самоубийством, покушение на самоубийство;

г) насильственная смерть (убийство, смертная казнь) – убить, приговорить к смерти;

гибель, уничтожение чего-либо – духовная, политическая смерть; смерть общества, культуры, иллюзий, таланта;

плохо, нехорошо, горе, беда – зубрежка была для нее смертью; жарко, душно – смерть да и только;

при выражении «очень сильно», «чрезвычайно», «крайне» – устал до смерти, до смерти все надоело, смерть как зуб ноет, смерть люблю поболтать, смерть как замерзла.

Дефиниции концепта *la mort* во французском языке распределились следующим образом:

полное и окончательное прекращение жизни (*cessation complète et définitive de la vie*);

свойственность данного феномена человеческому бытию (человеческая судьба, удел) (*un phénomène inhérent a la condition humaine*);

конец жизни + обстоятельства смерти;

а) естественная смерть (*mort naturelle*);

б) неожиданная смерть, смерть от несчастного случая (*accidentelle*);

в) самоубийство (*suicide, mort volontaire*);

г) насильственная смерть (убить, приговорить к смертной казни) (*fin provoquée*);

гибель чего-либо (*la mort du petit commerce*);

смертельно, до смерти (*s'ennuyer a mort* (смертельно скучать), *s'en vouloir la mort* (смертельно ненавидеть друг друга));

боль, глубокая печаль (*avoir la mort dans l'ame*).

В обоих языках было выделено одинаковое количество пунктов при характеристике смерти. Полное совпадение отмечено в пунктах: третьем, четвертом и шестом – в русском языке и пятом – во французском.

Понимание смерти как прекращение существования живого организма является общим для обоих языков. Второй пункт был выделен на основе анализа словаря В. Даля, однако, прежде чем сделать вывод о том, что для русского менталитета не характерно восприятие смерти как окончательного, полного прекращения жизни, необходимо принять во внимание время составления данного словаря. В. Даль указывает на то, что человек рождается на смерть, а умирает на живот (на жизнь), то есть, под смертью понимается лишь конец плотской жизни (смерть тела), за которым следует воскрешение; душа же остается бессмертной. Таким образом, смерть характеризуется как момент освобождения души от «оков» тела, для русского человека она является этапом, ступенью, переходом к вечной, духовной жизни. В

дефинициях, данных во французских словарях налицо скорее неверие в продолжение жизни после смерти (*cessation complète et définitive de la vie*).

В обоих языках, самоубийство не относится ни к естественной смерти, ни к насильственной, а выделяется в отдельную категорию. Во французских словарях суицид характеризуется как «*mort volontaire*». Анализ значений прилагательного *volontaire* (1) добровольный (т.е. без принуждения, давления, насилия); (2) намеренный, умышленный; (3) волевой (ФРС, 1991) позволяет составить некое общее представление о самоубийстве как акте самоумерщвления и объяснить причину не причисления самоубийства ни к одному из вышеперечисленных пунктов (см. п. 3) а) естественная смерть, б) неожиданная смерть, г) насильственная.)

Если принимать во внимание религиозный взгляд на творение мира и человека Богом, то самоубийство воспринимается как вызов Богу, как нарушение обычного жизненного круговорота, как большой грех. Лишь Бог, давший человеку жизнь (Божеское не от человека, а человек от Бога), имеет право ее отнять (Бог дал, Бог и взял; Кто вложил душу, тот и вынет). Поэтому самоубийство не является актом естественной смерти (как следствие старости, как воля Бога). Нельзя также рассматривать его и в качестве акта внезапной смерти, так как человек не может, без видимых причин, неожиданно, свести счеты с жизнью. В отличие от убийства, где человек подвергается воздействию некоего субъекта со стороны, в случае с самоубийством, сам человек выступает в роли субъекта воздействия, причем совершает он этот поступок обдуманно, намеренно и по собственному желанию.

Таким образом, можно указать на практически полное совпадение значения концепта «смерть» в словарных дефинициях в сравниваемых языках.

Выяснив то, что жизнь и смерть являются универсальными феноменами, а слова «жизнь» и «*la vie*», «смерть» и «*la mort*» практически полными эквивалентами становится ясно, что только при помощи анализа

устойчивых выражений, единиц паремиологического фонда, репрезентаций данных лингвокультурных концептов в афористике и художественной литературе обоих языков мы сможем выявить сходства и различия в отношении и понимании жизни и смерти.

При исследовании лингвокультурных концептов «жизнь» и «смерть» мы естественным образом получаем выход на смежные с данными ментальными образованиями культурно-языковые концепты, связанные с ними прямо или опосредовано.

Как мы отмечали ранее, жизнь является самым распространенным концептом, связанным с понятием смерти. Ведь только сознание конечности жизни позволяет человеку понять ее ценность, но, с другой стороны, тяготы жизни очень часто придают смерти положительный характер (Лучше умереть стоя, чем жить на коленях; *Quand on voit la vie telle que le Dieu l'a faite. Il n'y a que le remercier d'avoir fait la mort* (A. Dumas-fils). Когда смотришь на жизнь, которую дал тебе Бог, остается только благодарить его за то, что он создал смерть).

Перечислим лишь некоторые смежные с рассматриваемыми понятиями лингвокультурные концепты:

Любовь. *Il n'y a pas d'autre amour que celui qui consiste a donner sa vie pour ce qu'on aime* – в данном изречении явно прослеживается идея самопожертвования, готовности отдать жизнь за любимого человека, однако проявление таких чувств свойственно скорее русским, чем французам, воспринимающим любовь как наслаждение. *Amour et mort, rien n'est plus fort* – Нет ничего сильнее любви и смерти (одно из значений глагола «умирать», употребленного с предлогами «от» и «с» = испытывать в сильной степени, предаваться в сильной степени какому-либо чувству, в данном случае, умирать = очень сильно любить).

Боль, страдание, страх (Жизнь человека проходит в разбирании своего прошлого, в жалобах на настоящее, в страхе за будущее) Стихийное, инстинктивное признание жизни и ее ценностей вызывает у людей реакцию

против смерти. Человек не может смириться со смертью. Поэтому смерть вызывает у людей безысходную печаль, невыносимое страдание: Кто смерти боится, тот уже не живет; *La douleur est aussi nécessaire que la mort* – в данном афоризме заключена идея о необходимости смерти, также как и о необходимости страдания. Сознание неизбежности смерти придает особый смысл жизни, в то время как страдания позволяют глубже ощутить чувство радости: Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность.

Тоска, скука. Чувство горя, связанное с уходом из жизни любимого человека, по прошествии некоторого времени сменяется чувством тоски, безысходности.

Выражение «умирать от тоски, скуки и т.п.» содержит в себе качественную оценку, то есть говорит об интенсивности чувства (ср. «тосковать» выступает как нейтральный глагол для обозначения состояния тоски, испытываемого субъектом, но без указания на силу чувства, в то время как «умирать от скуки» (*mourir d'ennuie*) – сильно эмоционально окрашено).

Трусость / смелость. (*Les lâches meurent plusieurs fois avant leur mort, le brave ne goute jamais la mort qu'une fois*; Кто смерти не боится, того пуля сторонится; *Celui qui met son courage a oser trouve la mort*).

Война, как неизбежное следствие смерти, как каузатор обесценивания или придания особой ценности жизни: *La guerre c'est faire la terre manger la chair des hommes*; Война превращает в диких зверей людей, рожденных, чтобы жить братьями; кто хочет жить в мире, тот должен готовиться к войне.

Свобода (как освобождение души от оков тела, человека от тягот жизни (чаще всего в религиозном понимании), избавление: Для больного, для изгнанника // для живущего в чужом доме, // Для кормящегося подачками // жизнь – это смерть, а смерть – избавление; Жизнь отделена от смерти длительным промежутком болезни для того, по-видимому, чтобы смерть казалась избавлением и тем, кто умирает, и тем, кто остается.

Честь: Мы не вправе жить, когда погибла честь (Корнель); Прожить только миг, но прожить его с честью, // прославляемым за знания и за доблесть - // Это и называют мудрецы жизнью и др.

Широкий спектр сфер человеческой жизнедеятельности: социальная, духовная, нравственная, в которых отношение к жизни и смерти определяют поведение человека, его взгляды и отношение к другим, признанным в данном обществе, ценностям свидетельствует о том, что рассматриваемые понятия (жизнь и смерть) можно причислить к разряду универсальных, так или иначе определяющих и влияющих на всю жизнь человека.

Анализ фразеологических единиц, паремиологического фонда, афоризмов, выражающих в сжатой форме многовековой опыт народа в различных областях жизни и наиболее ярко, на наш взгляд, представляющих тот или иной лингвокультурный концепт позволяет говорить о преобладании достаточно негативной оценки жизни в русской лингвокультуре. Возможно, данный факт объясняется тем, что человеку при появлении на свет не предоставляется право выбора: он рождается в определенное время, в определенном месте, при определенных условиях, в конкретной семье, обреченный бороться со старстями и пороками жизни и должен с этим смириться. К тому же каждый человек, как и в случае отсутствия опыта смерти, не имеет опыта жизни (Смерть для человека – ничто, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, мы еще не существуем (Эпикур). Хотя в отличие от опыта смерти (речь идет о невозможности узнать, что происходит с человеком после его ухода из этого мира), жизненные достижения накапливаются и передаются из поколения в поколение, что, однако, не умаляет необходимости для человека самостоятельно познавать этот мир, учиться жизни методом проб и ошибок.

Нелегкость жизненного пути подчеркивается в многочисленных пословицах, изречениях: Не житье, а каторга; Эта жизнь хуже смерти; Жизнь пережить – не поле перейти; Жизнь прожить, что море переплыть; Век изжить – не мех сшить, Море житейское подводных камней преисполнено;

Vivre c'est nager en année; Le monde contemporain n'est peut-etre pas exactement l'endroit le plus brillant ou l'on puisse rever de vivre. C'est une espèce d'étrange carnaval ou il a pas mal de douleur; La vie ne vaut pas la peine d'être vécue; Tenir a la vie est une faiblesse mortelle; Vivre, c'est prendre le risque de souffrir; La vie est un duel avec les ombres qui nous détestent; la vie c'est une veritable galère и т.д.

Негативные стороны жизни отражены в понятии с отрицательным значением «существование» (l'existence). В отличие от жизни, которая может быть как веселой, беззаботной; *une vie joyeuse, sans souci* так и трудной, нелегкой; *une vie dure*, существование обычно жалкое (владеть жалкое существование), нищенское, бедственное, убогое; *mener une existence misérable*. Идея инертности, отсутствие всякого стремления прослеживается в следующих примерах: плыть по течению; живет не живет, а проживать проживает; зажиток век, как-нибудь доживать надо.

Созданные образы, отраженные в афористике, позволяют охарактеризовать жизнь, столь емкое и широкое понятие, во всех ее проявлениях. Жизнь представляется в качестве:

социального института, учебного процесса, учителя (Жизнь – это школа, но спешить с ее окончанием не следует; В школе жизни неуспевающих не оставляют на повторный курс; *La vie donne parfois de dures leçons*);

возвышенности (Жизнь – это гора: поднимаешься медленно, спускаешься быстро; *Plus lourde que montagne au large // La vie*);

происшествия, неожиданного случая (Жизнь – это чудесное приключение, достойное того, чтобы ради удач терпеть и неудачи);

мелкой денежной единицы, указывающей на незначительную ценность жизни, вообще ничто не стоящее (Жизнь – копейка; *J'ai appris qu'une vie ne vaut rien, mais que rien ne vaut une vie*);

магазина (Жизнь подобна универмагу: в ней находишь все, кроме того, что ищешь);

заблуждение, ложное представление (Жизнь – обман с чарующей тоской);

процессии, карнавала (Жизнь – это шествие; *La vie passe, rapide caravane! Arrête ta monture et cherche a etre heureux*) и т.д.

Проведенный анализ языкового материала, репрезентирующего лингвокультурный концепт «жизнь», позволяет выделить следующие параметры в структуре данного культурного концепта.

Подконтрольность / неподконтрольность жизни.

Способность человека управлять жизнью (Человек сам своими руками должен прокладывать путь в жизни), идея о том, что человек способен контролировать жизнь, является ее хозяином, в которой счастье (Человек сам кузнец своего счастья), успех, благополучие в большей степени зависят от него опровергается афоризмом Мало кто понимает, что ни мы идем по жизни, а нас ведут по ней, репрезентирующим мысль о существовании высших сил, высших абсолютов, управляющих человеческой жизнью: Бог (Человек предполагает, а Бог располагает), судьба, рок (от судьбы не уйдешь).

Вера в судьбу, в то, что каждому отпущен свой срок (Раньше смерти не умирают; Пришла смерть по бабу, не указывай на деда) умаляет ценность жизни, что у человека проявляется в бессмысленном риске своей жизнью. Это отражено, например, в паремии не страшна мертвому могила. В данном случае к понятию «риск» добавлен оттенок безразличия субъекта к последствиям (возможно для него трагическим), к которым могут привести его собственные действия и поступки (живы будем - не помрем; кому суждено быть повешенным, тот не утонет).

2.2 Лингвокультурный концепт *savoir vivre* как кластерное образование

Naitre, ce n'est pas compliqué.

Mourir, c'est très facile.

Vivre, entre ces deux évènements,

ce n'est pas nécessairement impossible.

J.-L. Lagarce.

Несмотря на значительную релевантность лингвокультурного концепта *savoir vivre* для французского сознания, необходимо отметить, что анализ словарных дефиниций не позволяет выявить не только национально-культурную специфику и его дополнительные смысловые характеристики, но также дает размытый образ самого значения данного понятия.

В качестве русского эквивалента для понятия «*savoir vivre*» будем считать понятие «уметь жить». В «Словаре иноязычных выражений и слов» А.М. Бабкина, В.В. Шендецова (1987) мы встречаем следующие определения понятия «*savoir vivre*», включающие в себя как положительную, так и отрицательную оценку данного понятия:

Житейская сметливость, обходительность. (+)

Житейская ловкость, сноровка, хитрость. (+/-)

Искусство жить легко, весело, беззаботно. (+/-)

В вышеуказанном словаре в качестве примера приводятся некоторые контекстные ситуации, в которых каждое из перечисленных значений находит свое выражение.

Для первого варианта значения *savoir vivre* приводятся следующие контекстные варианты употребления данного понятия:

Дама эта успела нашить себе на черное платье белые плерезы, замаскировала свои раны на голове черным тюлем и, справедливо сознавая свое *savoir vivre*, гордо посматривала на остальных дам, не успевших одеться прилично случаю. Салов, Крапивники.

Савина была выразительницей русской сметливости, русского *savoir vivre*, тех талантов русского народа, которые помогли ему сложиться в огромный государственный организм. А. Кугель, М.Г. Савина Театральные портреты.

Тут Чиллингги Гордон, со свойственным ему тактом и *savoir vivre*, подоспел на выручку хозяину. Э. Бульвер-Литтон, Кенельм Чиллингги.

Понятие *savoir vivre* во втором значении представлено в следующих вариантах:

Куда ни помотришь – везде *savoir vivre*. Тот приобрел многоэтажный дом, другой – стянул целую железную дорогу, третий – устроил свою служебную карьеру. Салтыков-Щедрин.

Образ Дерунова намечен опять-таки еще в «Признаках времени», в главе «Наш *savoir vivre*». Этот наш *savoir vivre* есть, собственно говоря, просто мошенничество, более или менее закутанное благонамеренными речами. Н.К. Михайловский, Щедрин.

Лучшей хозяйки мы не найдем. Ура! – Да, моя старуха обладает этим *savoir vivre*...видала виды. А. Пальм, Петербургская саранча.

Третье значение *savoir vivre* раскрывается в следующих контекстах:

Он наслаждение жизнью во всем ее объеме ставил, кажется, во главу своего счастья и благоденствия и по требованию своего *savoir vivre* не прочь был порой и отказаться от служения на поприще общественном, раз это поприще доставляло ему много огорчений и неприятностей. «Русская старина», 1902.

Истинный, последний, inferнальный плод этого проклятого плодородия – томная буржуазка, чувственно-непреступная, представительница демократического «*savoir vivre*» наизуворот. Блок, «Подпочвенные воды» Ротшильда.

Следующий пример позволит увидеть, каким образом французский лингвокультурный концепт *savoir vivre* воспринимается носителями русской культуры. Отметим, что обращение Л. Миллер именно к французскому понятию «*savoir vivre*» при попытке определить, что же все-таки обозначает «уметь жить», на наш взгляд, не случайно. Вероятнее всего концепт «*savoir vivre*», сложившийся во французской лингвокультуре, подсознательно (обратите внимание на попытку автора уловить диффузные смыслы данного понятия при отсутствии знаний четкого определения) воспринимается носителем русской лингвокультуры как наиболее характерный,

выразительный, емкий образ «умения (искусства) жить», как некий стереотип:

«*Savoir vivre*», – говорят французы. «Умение жить». Не знаю, что они вкладывают в это понятие, но, на мой взгляд, «*Savoir vivre*» – это умение чувствовать себя богатым, не имея ни гроша за душой, способность из ничего сколотить капитал, за который трястись не надо, поскольку его нельзя ни украсть, ни пустить по ветру. Дождь, туман, птица, случайный разговор, стихотворная строка, воспоминание – вот они, несметные богатства умеющего жить. Лишенный почти всего, кроме способности видеть, слышать, думать, он тем не менее чувствует себя так, «как будто дали в охапку все сразу, и я стою, прижимая все и ничем не владея, и не знаю, куда положить и что взять». Вот он – баловень судьбы, миллионер, владелец – нет, не «заводов, морей, пароходов», а миллионов минут, прожитых с абсолютным ощущением полноты. Таких баловней судьбы единицы, но именно они не только «умеют жить», но и учат тех, кто не знает своего счастья. Причем учат, не уча и даже не ведая, что учат. Учат лишь тем, что живут по своим часам и расставляют акценты в соответствии со своим представлением о главном и второстепенном, существенном и пустом» (Миллер: www).

В приведенном примере явно прослеживается ассоциативная взаимосвязь понятий «*savoir vivre*» и «баловень судьбы», как субъект-носитель определенной жизненной установки.

В буквальном переводе с французского языка *enfant gâté* (или *chéri*) *de la fortune* обозначает «ребенок, избалованный судьбой». Образ ребенка, содержащийся в данном словосочетании для передачи общего значения позволяет выделить дополнительные смыслы понятия «баловень судьбы»: человек, которому многое позволено, прощается, которого балуют, холят, лелеют. Именно таким образом можно охарактеризовать действия судьбы, как нечто олицетворенного, по отношению к ее «баловням».

Переосмысление прилагательного *gâté* в первом значении, в смысловое ядро которого включены такие смысловые составляющие как «испорченный,

гнилой, тухлый», позволяет говорить о наличии семемы «испорченный» и во втором значении – «избалованный», то есть испорченный вниманием, заботой, слишком хорошим отношением. Содержащийся в прилагательном отрицательный оценочный компонент приводит к тому, что данное понятие (баловень судьбы) воспринимается с некоторой долей скептицизма. В тоже время определяющийся данным понятием тип человека, является «желаемым». Частично отрицательная оценочность рассматриваемого понятие может, по видимому, объясняться малой вероятностью достижения «такого состояния», как нечто, не зависящего от человека, о чем свидетельствует включенность в сочетание «*enfant gâté de la fortune*» семантического компонента «*la fortune*» (судьба).

Семантическая сочетаемость понятия «судьба» с такими определениями как счастливая, несчастная, удары судьбы, судьба улыбнулась, превратности судьбы, избранник судьбы четко указывает на присущие судьбе действия, как благоприятные (улыбнулась), с одной стороны, так и агрессивные (удары судьбы), с другой. Похожая картина вырисовывается и во французском языке (*la bonne, la mauvaise fortune; les faveurs, les caprices de la fortune*). Общим для определения судьбы (*fortune*) в рассматриваемых языках являются следующие параметры:

- 1) сила, распределяющая блага и несчастья без видимого правила;
- 2) событие или события, хорошие плохие, являющиеся результатом действия этой силы (Голованивская, 1997: 55) .

Тем не менее, если рассматривать лингвокультурный концепт «судьба» в более широком аспекте, то можно прийти к выводу, что данный феномен по разному воспринимается носителями французской и русской лингвокультур и ассоциируется с совершенно различными идеями. Для французского языка характерно восприятие судьбы как «благополучия», «предназначения», «жребия», в свою очередь в русской лингвокультуре судьба ассоциируется с «судьбой – присуждением», «судьбой – долей» (Балашев, 1996 : 65).

Несмотря на общий компонент, наличествующий в образах судьбы («предназначение», «присуждение») в обоих языках, - «судьба – детерминатор», определение того, что происходит с человеком в жизни, имеет разные основания: в русском языковом сознании основополагающим представляется отрицательный опыт человека (его проступки, грехи и т.п.) (ср. присуждение – приговор к наказанию на основании признания чьей-либо вины). Напротив, во французском языковом сознании отражена скорее положительная установка для человека (ср. предназначение – что-то, заранее определенное для человека в жизни (о судьбе), в словарной статье причисленное к регистру «высокое») (БТСРЯ, 2001).

В отличие от словосочетания *enfant gâté de la fortune*, в семантике другого французского синонима со значением «баловень судьбы» – *un favorisé de la fortune* (*un favori de la fortune*) – присутствует только положительная оценочность: судьба содействует, благоприятствует, покровительствует своему любимчику.

Принимая во внимание тесную взаимосвязь во французской лингвокультуре двух концептов «*savoir vivre*» и «*le savoir-vivre*», необходимым представляется так же более детальное рассмотрение лингвокультурного концепта «*le savoir-vivre*».

Экспликация понятийного содержания концепта *le savoir-vivre* во французских беспереводных, толковых, синонимических словарях осуществляется целым набором понятий, которые в свою очередь сами по себе являются достаточно сложными, развернутыми и содержательными ментальными образованиями, о чем косвенно свидетельствует отсутствие четкого определения и однозначного эквивалента в русском языке для каждого из них:

acquis – навык, опыт, опытность, знания;

avoir de l'acquis – иметь [житейский] опыт;

vivre sur son acquis – жить за счет старого багажа (знаний);

aimabilité – любезность, приветливость;

bienfaisance – [благо]пристойность, приличия;
civilité – вежливость, соблюдение приличий; выражения вежливости, КОМПЛИМЕНТЫ;
convenance – (bienséance) приличие, [благо]пристойность, хороший ТОН; удобство;
correction – правильность, корректность;
courtoisie – учтивость, любезность (aimabilité), вежливость (politesse);
décence – благопристойность, приличия;
délicatesse – тонкость, нежность, изящество (élégance, grace); деликатность, тактичность; такт, внимательность, предупредительность (prévenance);
discrétion – сдержанность, деликатность (tact); неболтливость, умение хранить секреты; скромность;
doigté – чувство такта <меры> (tact), тактичность; умение (savoir-faire); ловкость;
éducation – воспитание, образование, образованность, культура, культурность, воспитанность;
égards – внимание, интерес; уважение, почтение (respect);
élégance – изящество, хороший <тонкий> вкус; элегантность, изысканность, утонченность; тонкость (finesse), благородство (distinction), деликатность (délicatesse), тактичность, чуткость (tact);
entregent – обходительность, умение вести себя [с людьми]; житейский опыт (sagesse pratique);
étiquette – этикет, церемониал;
finesse – тонкость, изысканность, изящество (délicatesse); тонкость, проницательность, остроумие;
formes – форма, установленный порядок, правила (règles extérieures);
habilité – ловкость, проворство, сноровка, умение (savoir-faire), мастерство; хитрость, ухищрения, уловки;
manières – образ [действий], манеры, повадки, замашки (-);

politesse – вежливость, учтивость; любезность, знак внимания;
sociabilité – общительность;
tact – такт, тактичность;
urbanité – учтивость;
usage – обычаи, правила, умение вести себя, умение держать себя, знать как поступать.

Основным понятием, к которому сводятся все приведенные выше элементы синонимического ряда, является «правила», «предписания», некая система схем поведения в различных жизненных ситуациях, следование которой и составляет основу успеха человека в жизни.

Анализ каждого понятия синонимического ряда позволит выявить наиболее близкие эквиваленты во французском языке для экспликации лингвокультурного концепта *le savoir-vivre* и определить его ядерные значения и периферию: *acquis; aimabilité; civilité; convenance; correction; courtoisie; décence; délicatesse; discrétion; doigté; éducation; égards; élégance; entregent; étiquette; finesse; formes; habilité; manières; politesse; sociabilité; tact; urbanité; usage.*

Итак, анализ лексикографического толкования имени концепта *le savoir-vivre* во французском языке на материале словарей различного типа показал, что наиболее частотным значением данного понятия является «*politesse*», «*règles de la politesse*».

Savoir-vivre:

connaissance et pratique des règles de la politesse, des usages du monde.
(GL, 1963);

politesse. (DA, 1936).

connaissance des usages à respecter en société, bonne éducation. (DUFEL).

dans notre nation, consiste a saisir les usages reçus, a avoir pour les autres toutes les manieres convenables établies par la mode, etre honnete et poli dans la société; enfin faire avec aisance, avec grace mille petits riens qui n'ont point de nom. Selon la pure morale et les idées de la droite raison, le savoir vivre ne

consiste que dans les grandes et bonnes choses; car ce mot signifie remplir les devoirs de son état, en écarter toutes les futilités, et mener dignement la vie pour laquelle on est né (EDR: www).

В данном понимании концепт *le savoir-vivre* имеет прямую связь с этикетом, с одной стороны, и с ритуалом и обычаям, с другой стороны.

Рассмотрения соотношения «вежливость» – «этикет» позволит уточнить смысловые составляющие каждого из понятий. Под этикетом понимается «установленный порядок поведения, форм обхождения, в какой-либо среде, в определенных условиях» (БТСРЯ, 2001), нормы поведения в соответствии с распределением социальных ролей в официальной и неофициальной обстановке общения, которые, с одной стороны, регулируют, а с другой стороны, обнаруживают, показывают отношения членов общества по таким примерно линиям: свой – чужой, вышестоящий – нижестоящий, старший – младший, далекий – близкий, знакомый – незнакомый и даже приятный – неприятный (Речевой этикет и вежливость сегодня: www). Данные различия можно показать на простом примере речевого этикета – приветствии. Общение в кругу подростков отличается грубовато-фамильярной тональностью, что накладывает свой отпечаток на выбор формул приветствия и прощания (Здорово!, Чава-какава!), которые служат для указания на равный статус членов внутри группы и являются определенным маркером принадлежности – «свой». Подобное же обращение к человеку, даже молодому, но статусно вышестоящему, расценивается как нарушение нормы ролевых отношений, как проявление невежливости. Таким образом, невежливостью можно считать такое проявление, когда адресату отводят роль ниже той, которая ему принадлежит в соответствии с его признаками. Следовательно, нарушение норм этикета всегда оборачивается невежливостью, неуважением партнера.

Вежливость относят к понятиям нравственности, то есть к области тех внутренних духовных качеств человека, которые основываются на идеалах добра, справедливости, долга, чести. В «Словаре по этике» находим

следующее определение вежливости: «моральное качество, характеризующее человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими». То есть под вежливостью понимают проявление уважение, предполагающего признание достоинства личности, готовность оказать услугу тому, кто в ней нуждается, деликатность, такт. Неотъемлемым элементом вежливости так же является и речевой этикет – своевременное и уместное речевое поведение.

Проявление вежливости и невежливости многомерно: «...у вежливости и невежливости есть многочисленные степени и оттенки. В русском языке они обозначаются такими словами, как вежливо, невежливо, корректно, учтиво, галантно, заносчиво, высокомерно, грубо, спесиво, манерно, церемонно и т.д» (цит. по: Речевой этикет и вежливость сегодня: www).

Основным параметром при определении понятий вежливость и невежливость выступает «уважение» (его проявление или отсутствие). Принимая во внимание данный критерий, проявление невежливости заключается в намеренном или ненамеренном отведении собеседнику более низкой роли, чем есть на самом деле, неуважительность к нему. В свою очередь под вежливостью понимается всякое проявление уважительности к собеседнику, отведение ему той роли, которая соответствует его признакам, или даже некоторое повышение его статуса, когда с ним учтивы или галантны (Речевой этикет и вежливость сегодня: www).

Будучи формой проявления уважения, вежливость может существовать в двух своих ипостасях: «вежливость – искренность», «вежливость – маска». Такое понимание вежливости будет детерминировать отношение окружающих к человеку, выбирающему определенный тип вежливости: оценивается положительно и оценивается отрицательно, соответственно.

Посредством анализа русских эквивалентов французских понятий, составляющих синонимический ряд лингвокультурного концепта *savoir-vivre*, на предмет частотности их употребления при описании исследуемого концепта было выявлено, что в русском языке данная ментальная единица

находит свое выражение в следующих языковых единицах: вежливость (5), учтивость (4), умение вести себя (3), благопристойность (2), корректность (2), умение (2), сноровка (2), ловкость (2).

Ссылаясь на полученные данные культурный концепт *le savoir-vivre* в описательном плане представляется как невыхождение за рамки дозволенного, не нарушение границ «личного пространства» собеседника, следование определенным нормам, существующим в обществе, соблюдение правил этикета, умение «выкрутиться» из любой ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате выполненного исследования подтвердилось предположение о том, что лингвокультурный концепт *savoir vivre* является специфическим для французской лингвокультуры и лакунарным для русского сознания (именно в том его осмыслении, которое присуще сознанию французов – способность и искусство жить с удовольствием).

Понимание «умения жить» в значительной степени отличается в двух исследуемых лингвокультурах. Для русского сознания характерно восприятие качества «умение жить» и субъекта-носителя этого качества в негативном аспекте в силу того, что «умение жить» трансформируется в «умение выживать», причем не всегда честно. Во французской лингвокультуре умение жить оценивается положительно. Основание для подобного восприятия жизни обнаруживается при исследовании характерных черт национального характера французов, выражающихся, прежде всего, во «врожденной» склонности представителей французской лингвокультуры ко всякого рода удовольствиям во всех их проявлениях. Концепт *savoir vivre* конкретизирует одну из доминант французской лингвокультуры – мажорное восприятие жизни. Улыбка как выражение удовольствия от жизни является самым ярким проявлением образной стороны рассматриваемого концепта.

Французский национальный характер достаточно противоречив. Противоречия проявляются и на уровне исследуемого в данной работе концепта: с одной стороны, стремление к получению удовольствия, легкость, даже скорее легкомысленность, порыв, веселость, свобода, с другой, правила, предписания поведения в обществе (*le savoir-vivre*), выступающие своего рода ограничителем в достижении «радости жизни». Ставшее внутренней потребностью желание «играть на публику», «потребность в аудитории» в определенной мере отражается на отношении к таким, по определению положительным, человеческим качествам как вежливость, учтивость,

тактичность и т.п., придавая им негативную окраску как проявлению неискренности.

В свою очередь в понимании «savoir vivre» представителями французской лингвокультуры отсутствует элемент целеполагания и целедостижения. На наш взгляд, данные расхождения можно объяснить принадлежностью французов и русских к «разнонаправленным» («разноориентированным») типам культур во временном отношении: для французской лингвокультуры характерным является ориентир на настоящее (здесь и сейчас, жить одним днем), для русской лингвокультуры свойственна большая связь с прошлым и будущим.

Во французском сознании при определении «неумения жить» акцентируется неспособность человека ладить с окружающими, его направленность на себя (эгоизм, эгоцентризм), пассивность, неумение получать самому удовольствия от жизни и приносить радость другим, незнание или несоблюдение установленных в обществе правил поведения (отсутствие таких качеств как такт, вежливость, любезность, учтивость).

В русской лингвокультуре, в отличие от французской, с «умением жить» связывается целый ряд лингвокультурных концептов, представляющих собой так называемые антиценности – подлость, ложь, предательство, подхалимаж, нечестность и т.п. «Неумение жить» по-русски ассоциируется с отсутствием цели в жизни и отрывом от реальности. Человека, не умеющего жить, в русской культуре часто жалеют, ему сочувствуют (полагая, что он сам не виноват в сложившихся обстоятельствах, что такова судьба – важнейший концепт в русском языковом сознании). Человека, не умеющего жить, во французской культуре презирают, обвиняя его в эгоизме, невоспитанности и бестактности, то есть в тех проявлениях характера, которые мешают другим получать удовольствие от жизни и которые следует корректировать.

В этико-философском сознании отношение к жизни тесно связано с отношением к смерти (в символическом смысле – как к небытию, потере

смысла либо грехопадению) и к категории времени. Темпоральная ориентация жизни в культурологическом плане позволяет отнести некоторые культуры к ориентированным в прошлое, некоторые – в настоящее, некоторые – в будущее. Французская культура (и лингвокультура в частности) сориентирована на настоящее, русская культура – на прошлое и будущее (маркированным для русского сознания является отсутствие ориентации на настоящее, данное и наличие ориентации на должное).

Отношение к жизни как в обыденном, так и в этико-философском сознании является телеономным концептом (по С.Г.Воркачеву) и осмысливается в виде антиномии «жизнь – смерть». Если в биологическом смысле смерть противопоставляется рождению, то в обиходном сознании смерть является антиподом жизни. Концепт-антиномия представляет собой особый тип концептов, приближающихся к философским категориям как по своей сущности, так и по структуре. Будучи концептом, то есть ментальным образованием, включающим не только образно-понятийный, но и ценностный компоненты, отношение к жизни является амбивалентным в оценочном плане.

Положительную оценку в умении жить получает общая оптимистическая установка человека, отрицательную оценку – сопутствующие этой установке отрицательные качества личности. Неумение жить оценивается либо отрицательно (во французском языковом сознании), либо сопровождается дополнительной положительной оценкой сочувствия (в русской лингвокультуре).

Концепт *savoir vivre* представляет собой кластерное образование, в котором можно выделить следующие оппозитивные отношения: умение жить – способность получать удовольствие от жизни, умение жить – организация своей жизни по правилам хорошего тона, умение жить – умение выживать, умение жить – умение создавать впечатление благополучной и счастливой жизни, умение жить – направленность на высшие идеалы и ценности.

Рассматриваемый концепт тесно связан с концептами «молодость», «любовь», «здоровье», «вкус», «дружба и уважение», «юмор».

В качестве модельной личности, воплощающей в себе совокупность представлений о типичном человеке, умеющем получать удовольствие от жизни здесь и сейчас, выступает концепт *bon vivant* – бонвиван. Сам факт обращения к французскому заимствованию в русском языке свидетельствует о яркой французской специфике этого концепта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алефиренко Н.Ф. Значение и концепт // Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. – С.59-67.
2. Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 3-11.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – С. 37-66.
4. Аристотель. Этика, Политика, Риторика Категории. – Минск, изд. «Белорусский Дом печати», 1998. – 1392 с.
5. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания, 1987. №3. С. 3-19.
6. Арутюнова Н.Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С.67-78.
7. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания, 1985. № 3. С.13-24.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Отв. ред. Г.В. Степанов. – М., Наука, 1988. – 341 с.
9. Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие. (Заметки о взаимодействии концептов.) // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М., 1990. – С. 7-32.
10. Бабаева Е.В. Нормы и их отражение в языке //Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. / ВГПУ – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 17-24.
11. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
12. Балашов Л.Е. Жизнь, смерть, бессмертие. – М., 1996. – 96 с.

13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
14. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
15. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
16. Гак В.Г. Отношение носителей языка к своему языку как проявление национально-культурной специфики языкового поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. Тезисы докладов. – М., 1991. – С. 6-7.
17. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – 480 с.
18. Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка (контрастивный анализ лексических групп со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии», «основные мыслительные категории», «базовые эмоции»). – Монография. – М.: МГУ им. В.М. Ломоносова, филол. фак-т, 1997. – 278 с.
19. Заметки о русском и французском общении // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – С.119-125.
20. Киселева О.В. Аксиомы поведения французов // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. – С.105-113.
21. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнофизических лакун / Пособие по курсу типологии рус. и фр. языков. – Владимир: ВГПИ, 1980. – 106 с.
22. Розенфельд Я.В., Кашкин В.Б. Некоторые особенности коммуникативного поведения французов // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. – С.13-19.

23. Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиции. – М.: Мысль, 1988. – 286 с.
24. Цуверкалов Е.А. Французы глазами иностранцев // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. – С.78-86.
25. Цуверкалов Е.А. Французы о русских // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. – С.86-96.